

© 2006 г.

Корель Л.В. СОЦИОЛОГИЯ АДАПТАЦИИ; ВОПРОСЫ ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ. Новосибирск; Наука, 2005. 424 с.

Актуальность книги состоит в том, что данная область, аккумулируя, систематизируя и структурируя различного рода теории, подходы, концепции, идеи, эмпирические данные о приспособительных процессах, несет в себе мощный эвристический потенциал, направленный на постижение природы, существа, функций и смысла адаптации.

Работа базируется на идеях классиков социологической мысли Э. Дюркгейма, Г. Тарда, М. Вебера, В. Парето, П.Сорокина, Т. Парсонса, А. Тоффлера, Г. Беккера и др., а также на материалах эмпирических исследований и данных Госкомстата России за 1992-2002 гг. Основная часть гипотез и концептуальных построений автора находит подтверждение в репрезентативных исследованиях, а полученные данные о приспособительных процессах, проходящих в современной России, встраиваются в контекст классических и современных социологических теорий. Исследователь выявила и систематизировала цивилизационные, социокультурные, экономические, социальные, психологические, информационные, демографические и другие факторы, стимулирующие и форсирующие необходимость *становления и легитимизации социологии адаптации* как новой области знания в эпоху модернизации и глобализации мирового сообщества. Ею очерчены *объект, предмет и метод социологии адаптации*, предпринята попытка сконструировать десять ее определений как научного явления, релевантного ведущим социологическим подходам (понимающая социология, герменевтика, структурализм и т.д.), иными словами, исполненных в рамках разных социологических дискурсов. Автор систематизировала, уточнила и дополнила *понятийный каркас социологии адаптации*, состоящий из общенаучных, социологических и специфических (присущих только этой области знания) терминов. Сформирован оригинальный "*многослойный*" тезаурус центральных понятий, многие из которых впервые введены ею в социологическую практику (норма адаптивного оправдания, экзогенные и эндогенные барьеры адаптации, адаптивная асимметрия, адаптивная зона, ступени адаптивного механизма, адаптивная контркультура и субкультура, пороговые зоны адаптации и адаптивного потенциала и др.).

В фарватере подхода, разработанного в рамках теоретической социологии Т. Джонсоном, К. Дандекером, и К. Эшуортом, автором осуществлена характеристика *условий фрагментации и единства теоретического ракурса социологии адаптации* на основании двух критериев - способа познания и природы социальной реальности, - демонстрирующую, с одной стороны, глубокие теоретические разрывы и спецификации в анализе адаптации научным сообществом (эмпиризм, субстанциализм, субъективизм, рационализм), с другой, - зоны их взаимного тяготения и "сопряженности". Одновременно она предложила оригинальную модель концептуального видения адаптации в контексте разных *понятийных схем*, выступающую важным методологическим инструментом изучения адаптивного процесса.

Автор сконструировала уникальную *классификацию адаптации*, которая структурирует виды, типы, формы, способы адаптации на основе разработанных теоретических (свыше 30) и эмпирических (140) индикаторов. Данная классификация, во-первых, дает возможность редуцировать, "разложить" единый приспособительный процесс на его отдельные составляющие; во-вторых, увидеть этот процесс в целом, во множестве его сторон, то есть выполняет одновременно аналитическую и интегративную функцию.

Предложенная концепция разграничения адаптации в эволюционных и бифуркационных средах, акцентирующая внимание на характерологических особенностях и различиях сред и адаптации, проясняет смысл, содержание, характер и "жизненные перспективы" субъектов адаптации в ходе приспособительных процессов в условиях эволюционных и бифуркационных преобразований. Если в первом случае субъект имеет высокие шансы сохранять "контроль за ходом перемен, за своей судьбой", то во втором - полностью утрачивает эти позиции. К сожалению, реформы в России создали для адаптирующихся институтов, организаций, социальных групп, индивидов, общества в целом "бифуркационную" среду - социальных рисков, катастроф и кризисов.

Исследователь провела декомпозицию внутреннего устройства механизма социальной адаптации, в том числе посредством выделения трех стадий адапциогенеза в условиях крупных общественных переломов (социального шока, мобилизации адаптивных ресурсов, ответа на вызов среды) и структурирования социальных регуляторов (средств и антисредств) адаптации и других процедур. В России к началу XXI в. ряд институтов, организаций и социальных групп успешно миновали все три стадии адапциогенеза, однако многие другие все еще пребывают на начальных его этапах. Это связано, в частности, с вступлением нашей страны в минувшее 20-летие в зону высокой социальной турбулентности - рисков, нестабильности, неопределенности, непредсказуемости векторов развития и пр.

На основе комплекса критериев она выделила и описала четыре важнейших типа адаптивных механизмов, характеризующиеся принципиальными, сущностными различиями: 1) адаптация как развитие, 2) адаптация как защита. 3) адаптация как уход (уклонение), 4) адаптация как реверсия. Если первую модель следует рассматривать как позитивную, обеспечивающую совершенствование внутренней структуры субъекта адаптации, то последняя - является, безусловно, негативной по своей направленности и содержанию. Вторая и третья модели, в зависимости от событийного контекста, могут иметь как нейтральный, так и негативный характер. В постсоциалистической России в ходе реформирования наибольшее распространение получили вторая, третья и четвертая модели.

Ею апробирована возможность приложения идей классиков социологической мысли (М. Вебера, В. Парето, У. Томаса, Ф. Знанецкого, Дж. Хоманса, А. Маслоу, Г. Беккера и др.) к изучению адаптивного механизма социума (на примере современной России). Эти идеи, как показал ее анализ, содержат мощный эпистемологический ресурс для аналитических исследований адаптации, который, однако, до сих пор оказался не востребован ни учеными, ни политическими элитами.

В книге убедительно показано, что политика реформирования России в конце XX - начале XXI вв. была проведена и проводится вне социологического дискурса вообще и дискурса социологии адаптации в частности. Архитекторы реформ оказались глухи к знаниям о законах адаптации социальных систем разного уровня (в частности, требованию обязательной разработки и реализации "терапии сопровождения" реформ), об адаптивных порогах, пределах и ограничениях, адаптивных рисках, возможностях и ресурсах общественных групп в условиях эволюционных и бифуркационных трансформаций. В этом, по мнению автора, кроется источник неудач, поражений, разочарований в современных преобразованиях.

Л.В. Корель отмечает, что роковую роль в социальных перипетиях России XX в., причем дважды, сыграл номинированный М. Вебером еще в 1913 г. феномен оппозиции "ценности успеха" и "ценности убежденности" в переломные эпохи. Пафос и основной смысл веберовской сентенции состоял в констатации опасности абсолютизации "ценности успеха" в ущерб "ценности убежденности" (то есть укоренившейся в культуре системе ценностей и культурных образцов). Однако и авторы социалистической революции 1917 г., и авторы "шоковой терапии" 1992 г. строили свои доктрины на идее о способности нации автоматически принять вопреки "ценности убежденности" директиву сверху о "перемене ценностей" (неважно, что в первом случае нацию сочли способной признать идею, что ценностью успеха выступает героический труд в деле строительства коммунизма, во втором - прямо противоположную, что ценностью успеха является "богатство, приобретаемое любой ценой"), забыв о том, что "сепифические свойства нашей культуры, которые все мы, несмотря на имеющиеся различия... оцениваем более или менее положительно, созданы в конце концов не бю-

рократичеекой моралью конфуцианства, этой единственной действительной этикой приспособления к возможному" (Вебер).

Считаю важным утверждение автора о том, что в России de-facto идет адаптация населения не к рынку хрестоматийного образца, а к квазирынку: то есть на смену псевдосоциалистическим идеям, убеждениям и поведенческим стереотипам пришли квазирыночные, по сути столь же далекие от рынка, сколь велика оказалась дистанция в СССР между социалистическими идеалами и их реальным воплощением. Не исключено, что историческая судьба России XX-XXI вв. - это существование в мире "превращенных форм" вполне гуманных и красивых с виду идей: социализма, цивилизованного рынка и т.д. - своего рода Зазеркалья.

Наиболее общий вывод исследователя, касающийся адаптации российского общества к проходящим преобразованиям, на мой взгляд, заключается в следующем. Важнейшие объективные индикаторы адаптированности населения к современной ситуации, каковыми выступают, в частности, показатели смертности, психического здоровья населения, а также уровень преступности, эмиграции и т.д. позволяют утверждать, что в 1991-2004 гг. значительная часть россиян перманентно находилась в глубоком адаптивном кризисе и стрессе и приблизилась к критически опасной черте - верхнему абсолютному порогу адаптации, за гранью которого царит пространство тотальных дисфункций и дезинтеграции.

Значимость книги, как мне представляется, состоит, во-первых, в систематизации и разработке новых теоретико-методологических подходов, аспектов, ракурсов в изучении адаптивных процессов; во-вторых, в инициировании научных дискуссий о природе социальных адаптации; в-третьих, в описании и авторской экспликации особенностей этих процессов в современном российском обществе.

Е.Б. МОСТОВАЯ,
доктор социологических наук